

МОТИВ СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЕТРУШКИНА **THE MOTIVE OF DEATH IN THE WORKS OF A. PETRUSHKIN**

Аннотация: Статья представляет собой анализ произведений А. Петрушкина. В ней рассматриваются особенности выражения мотива смерти в творчестве уральского поэта через призму сравнения с образом смерти в произведениях русских поэтов.

Ключевые слова: мотив смерти; русские поэты; уральская поэзия.

Abstract: The article is an analysis of the works of A. Petrushkin. It examines the peculiarities of the expression of the death motive in the work of the Ural poet through the prism of comparison with the image of death in the works of Russian poets.

Keywords: death motive; Russian poets; Ural poetry.

Два основных проявления человеческого существования или две формы его – это жизнь и смерть. Поэты, тонко чувствующие и передающие через слово вечные ценности, по-разному могут воплощать эту тему в своем творчестве. Особенно примечательно, что они часто как будто предвидят свой ранний уход. Уральский поэт А. Петрушкин, который скорпостижно скончался в 2019 году, не стал исключением. В этом он схож с классиками, например, с М. Ю. Лермонтовым.

Многие исследователи творчества М. Ю. Лермонтова (Д. Мережковский, К. Кедров-Челищев) считали поэта убежденным сторонником человеческого бессмертия, отвергающим смерть в качестве абсолютного конца жизни [2]. Во многих поздних стихотворениях («Памяти А. И. Одоевского», «Завещание», «Валерик») мотив смерти не связан с космическими мотивами, а в «Валерике» смерть на поле боя передана во всей своей беспощадной простоте [3]. Смерть – это погружение в сон, в котором человек и природа «понимают» друг друга (в сне-смерти человек приобщается к «вечной» жизни природы: «Надо мной чтоб вечно зеленея / Темный дуб склонялся и шумел»), но это сон трагический, ибо такое понимание куплено ценой отказа от земных ожиданий, от самого личного бытия [5].

В первой половине XX века М. Цветаева драматически ярко пронесла мотивы смерти через всю жизнь, начиная с желания смерти в семнадцать лет до пророческого стихотворения в зрелом возрасте. В XX веке, в отличие от символистов, говорили о смерти менее открыто, хотя об этой теме непременно задумывались все [4].

Уральские поэты тоже не обошли эту тему стороной. Она нашла свое отражение в поэзии Б. Рыжего, у которого мотив смерти тесно связан с мотивом одиночества. Как отмечает Е. Кресикова, автор создает образ поэта-страдальца, который раскрывается как личность чуткая, умеющая сопереживать [1]:

Мне дал Господь не розовое небо,
Не силы, чтобы поквитаться –
Возможность плакать от чужого горя,
Любя, чужому улыбаться.

Александр Петрушкин, отличающийся в своей поэзии особой витиеватостью формулировок и понятий, через метафоры трактуящий представление о мире, пишет не менее загадочное и непрозрачное стихотворение. «Что ж, счастье есть в домах...» было написано уже в осознанном возрасте с пониманием серьезности темы смерти. Тема смерти в творчестве писателя занимает ключевую роль. Интересен взгляд, что смерть – это перерождение, а не конец существования. Именно такое отражение мировоззрения уральского писателя мы видим в стихотворении.

«и белый смех, упрятанный в саях,
сопровождает в тот поток тебя,
в примерный (даже сказочный) сугроб,
и смерть касается тебя, как живота,
предчувствуя рождение твоё».

В данном стихотворении присутствует сочетание лирического начала с предметной изобразительностью. В центре внимания оказываются эмоции, которые автор передает через систему образов и эпитеты, но при этом есть четкое описание предметной действительности, которая присутствует в воображении автора, но не происходит на самом деле.

В «Пробелах», написанных в 2014 году, Петрушкин раскрывает привычный для его произведений мотив смерти и смысла, а прочтение оставляет читателя с чувством неизбежности и безысходности попыток влиять на происходящее. Смешивая и противопоставляя два отношения к теме жизни и смерти (неизбежность и попытку избежать), автор ставит во главу угла мысль, что начало и конец взаимосвязаны, отражая главную идею в строках «...что детство не невинно, – скорее с нашей смертью заодно». Лирический герой как бы наблюдает кадры пленки, а автор ведет с ним диалог, делая обращения, на которых проносится жизнь, размышляя о том, чего можно или нельзя избежать в ней.

«И от того так катится в сугробе
[почти, как в мамке] чёрно-белый мяч
вслед голосу, который слишком громко
уносится от тела – будто грач
по негатива [свет надкусан] кромке –
похожий на чеширского ловкач-
вийон ложится в гроб, где свет и стужа

срифмованы до темноты. [Поплачь].»

В линейной композиции, смешанной рифме все нарастает калейдоскоп образов, деталей, движений, эмоций. Неровный размер и рифма только усиливают скачкообразное движение, как будто по ухабистой дороге катится что-то круглое, стремясь к плавности, но только набирая обороты.

Образы в стихотворении отличаются многоплановостью: здесь и образ сферы, который ассоциируется с жизнью, ее движением, образ зимы и сугробов, характерный для творчества Петрушкина, который в его произведениях связан со смертью. В стихотворении «Что ж, счастье есть в домах...», в первой строфе, через метафору белого смеха и саней показывается предсмертная агония в карете скорой помощи, а вследствие – и сам «сугроб», на фонетическом уровне так близкий к слову «гроб», призвавший невидимый сквозняк как приглашение перейти в иной мир. Через такие ощущения автор передает своё видение «предсмертного письма». Примечательно, что Петрушкин использует сочетание белого и красного цвета: «снег», «кровоток», «рождение», «сугроб», «белый смех». Так или иначе, красный – это связь с жизнью, а белый – её мертвое послевкусие. В этом он близок с символистами, для которых характерны «мистическое содержание», непосредственно раскрывающееся в индивидуальном лирическом переживании поэта и выраженное в художественном слове символами, метафорическими иносказаниями и намёками. У А. Блока мотив смерти тесно связан с двумя цветовыми обозначениями: белым и красным. Эти цвета активно использовались в различных символических преломлениях многими поэтами. В белом цвете символисты видели мистическую неопределенность, полную возможностей, которым не суждено сбыться [4]. Считается, что этот цвет связан с негативными эмоциями и с мыслями, обращенными в потусторонний мир. Это можно объяснить ассоциативной связью с бледностью, холодностью, которые сопутствуют смерти; саван, надеваемый на умершего, также имеет белый цвет. Показывая двоемирие и переход, он выбирает такую форму организации мысли, чтобы показать чёткое деление мира за минуты до смерти и мира через минуты после нее.

Смерть в поэзии Петрушкина отнюдь не конец, в чем он сходится с Лермонтовым, а перерождение уже в новом облики и существовании. Диалог со смертью, которая представлена уже не убийцей и воровкой всего дорогого, а проводником – роженицей, провожающей в новое состояние. В тексте появляются религиозные мотивы: ангела, «топорщущего крылья», и Бога, «подобного человеческой душе», который молчит. Всему нужно учиться заново: привыкать к новому свету, учиться новому языку загробного мира, его слогам и даже высшему молчанию, которое так звонко было слышно в прошлой жизни – божьему молчанию.

«Счастливая роженица – ты, смерть,
вот кокон сброшенный лежит уже в снегу,
и мы с тобою, растерявши твердь,
как-будто в хирургическом раю
подслеповато щуримся на свет,

топорщим крылья, учимся слогам,
молчанию, которое в ответ слагает тот,
что подобает нам».

Мотив смерти в его произведениях сквозит не только в отдельных образах, но и в ритме и визуальном облике стихотворений. У Петрушкина особый стиль ритма и размера стихотворений. В «Пробелах» автор не изменяет ему и использует разностопный ямб, в трех строфах он может менять свой ритм, в этот раз еще и обозначая паузы квадратными скобками. В целом в сборнике «Геометрия побега» ритм неоднороден и за счет этого более живой в повествовании размышлений о смерти.

Нагруженность образами, деталями, создает ощущение хаоса и неуправляемого движения на большой скорости, в котором автор нарочито делает паузы, выделяя квадратными скобками основные состояния, которые может испытывать читатель и лирический герой. Сюжет произведения «Пробелы» не выделяется ясно, но через образы мы понимаем, что происходит взросление лирического героя от детства к взрослению и смерти. Сравнение «катится в сугробе, почти как в мамке» дает отсылку к периоду детства, однако особенности хронотопа стихотворения через образ сферы, сугробов и использование глаголов, обозначение действий создают фоном и другой период жизни и встречи со смертью.

Мотив отношений между жизнью и смертью становится главным в «Пробелах», да и во всем творчестве поэта, переплетаясь и продолжая параллельное движение на протяжении всей жизни. В целом стихотворение «Пробелы» воспринимается как калейдоскоп событий, в которых в кадр входит смысл, невидимый в детстве, но раскрывающий суть бытия, и взаимосвязи становятся проявленными, понятными и очень крепкими, несмотря на то что в осознании этого процесса у героя (и вместе с ним у читателя) есть промежутки неосознания, вынесенные автором в заголовок произведения, указывая на важность и того, и другого.

Александр Петрушкин смело заглядывает в глаза смерти и, в отличие от ряда авторов, приравнивающих смерть к неизбежной скорби и потере, оставляет её той самой роженицей, равноправной женщине. Последовательное двоemiрие и параллельное перерождение – именно так видит Петрушкин существование человеческой души, не обреченной на конечность жизни, а лишь ожидающей её следующего этапа.

Библиографический список

1. Ерлыгаева, С. С. Мотив смерти в поэзии Б. Рыжего / С. С. Ерлыгаева. – <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2018/03/statya-erlygaevoj-s.pdf>.
2. Кедров, К. А. Тема смерти в лирике М. Ю. Лермонтова / К. А. Кедров. – <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00121811438972965389/>.
3. Кедров-Челищев, К. А. Лермонтовская энциклопедия / К. А. Кедров-Челищев АН СССР (Пушкин. Дом). – М., Сов. энциклопедия, 1981. – <https://k-kedrov.livejournal.com/681498.html>.
4. Никитина, Т. А. Мотив смерти в творчестве А. А. Блока и М. И. Цветаевой

(на примере эпитетов) / Т. А. Никитина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук – 2015 – № 2. – <https://publikacia.net/archive/2015/11/2/54>.

5. Хайруллин, К. Единство жизни, смерти и бессмертия в творчестве Лермонтова / К. Хайруллин // Дети Ра – 2018 – № 5 (163). – <https://reading-hall.ru/publication.php?id=22783>.